

Пушкин в школе: curriculum и литературный канон в XIX в.*

Алексей Вдовин (Москва, НИУ ВШЭ — Тарту,
Тартуский университет),
Роман Лейбов (Тарту, Тартуский университет)

1. Проблема и материал исследования

Что такое *канонический текст*? Ответить на этот вопрос, оставаясь в рамках историко-литературного знания, нельзя, если не учитывать способов и объема репликаций текста в культуре, которые могут и должны быть измерены. Когнитивный аспект такого измерения, наиболее популярный ныне, при этом должен быть дополнен *мнемотрическим аспектом*, включающим как синхронные описания «иерархий коллективной памяти», так и диахроническую картину динамики таких иерархий. Необходимым шагом на этом пути будет исследование того, какие тексты, почему и как заминались и циркулировали в прошлом.

Наши заметки — первая попытка применить этот подход к богатому и совсем не разработанному русскому материалу — индексации литературных текстов в школьных хрестоматиях XIX в. Школа в России, как известно, на протяжении двух веков была и остается самым эффективным институтом мнемоники, а обязательное чтение и заучивание наизусть — главными механизмами запоминания [Gronas: 2—8, 82—88]. Проект по изучению имперских школьных хрестоматий вылился у нас в создание большой базы данных, которая содержит около 10 тысяч записей, фиксирующих бытование текстов в «школьном каноне» — важной составляющей канона национального. Ниже речь пойдет лишь о текстах Пушкина — центральной фигуры русского школьного канона на протяжении последних полутора веков его существования.

Материалом исследования послужили 94 школьные хрестоматии и книги для чтения¹, предназначенные для гимназий и училищ и изданные на территории Российской империи с 1805 по 1912 г. Из них 58 (62%) — для русских гимназий и училищ; 29 (31%) — для Остзейских провинций и 7 (7%) — для школ Финляндии, Польши, Виленского края, а также для татарских школ. Сразу оговорим, что мы попытались хотя бы в первом приближении учесть тиражность изданий, поэтому в базе данных отражены дополненные новыми текстами переиздания наиболее популярных хрестоматий И. Пенинского (1837), А. Галахова (1849, 1853, 1859, 1860, 1866, 1912), П. Басистова (1870), А. Филонова (1873), К. Козьмина (1905)².

Важно также, что фокус нашего внимания наведен не на социологию гимназического чтения и рецепцию литературы, а на измерение количе-

* Статья написана при поддержке гранта ETF № 8471 «Формирование русского литературного канона».

ственной и отчасти качественной репликации текстов внутри школьного канона. Особенно значимыми в этом случае становятся случаи утери или изменения авторства (например, приписывание стихотворения Полежаева «Море» Пушкину в остзейской хрестоматии Шафранова и Николича, 1860–1865), а также фрагментация больших текстов. В качестве яркого примера этого процесса ниже мы коснемся судьбы «Евгения Онегина» в школьных хрестоматиях.

2. Диахрония вхождения Пушкина в хрестоматию: 1829–1912

История вхождения Пушкина в школьные хрестоматии не написана. Общая пушкинская библиография фиксирует лишь некоторые включения его текстов в школьные пособия. Так, например, Н. П. Смирнов-Сокольский выявил индексацию текстов поэта в прижизненных хрестоматиях В. Золотова (1829) и И. Пенинского (1834) [Смирнов-Сокольский: 572, 603–604], а у В. И. Межова, Н. Синявского и М. Цявловского значится лишь несколько пособий конца XIX в. [Межов; Синявский, Цявловский]. Не решили проблемы и фундаментальные исследования А. П. Скафтымова и В. Ф. Чертова по истории преподавания литературы в русской школе XIX в. [Скафтымов; Чертов].

Между тем история пушкинских текстов в школе составляет особый сюжет и может быть очень условно разделена на четыре периода: 1829–1837; 1838–1855; 1856–1881; 1882–1905. Остановимся лишь на основных ее вехах.

В 1880-е гг. известный педагог и составитель знаменитой «Русской хрестоматии» А. Д. Галахов в статье «История одной книги» изложил мифологизированную версию своего педагогического триумфа. Если верить педагогу, именно его пособие впервые познакомило русского школьника с наследием Пушкина:

Пушкин еще не допускался в школу, хотя уже прошло несколько лет после его смерти. В хрестоматии Пенинского, в то время единственной и исключительно принятой в учебные заведения министерства народного просвещения, стихотворений Пушкина еще не имелось: он был под запретом [Галахов, 1999: 284].

На самом деле Галахов преднамеренно или невольно искажил факты: пушкинские тексты не только содержались в книге Пенинского, но впервые оказались на страницах школьной хрестоматии гораздо раньше — в 1829 г. в пособии В. А. Золотова «Русская стихотворная хрестоматия». Это семь текстов: «Возрождение», «Жуковскому» («Когда к мечтательному миру...»), «Козлову», «К Овидию», «К портрету Жуковского», «Песнь о вещем Олеге» и отрывок из «Кавказского пленника». В 1833 г. в «Новой русской хрестоматии» В. Эртеля впервые появляется отрывок из «Руслана и Людмилы», а в 1834 г. в Петербурге выходит «Российская хрестоматия»

И. Пенинского, которая давала гораздо более обширную подборку из 17 текстов. Повторяя некоторые тексты Золотова и Эртеля, Пенинский включил в пособие 13 новых: стихотворения «Бородинская годовщина», «Воспоминание в Царском Селе», «История стихотворца», «Клеветникам России», «К портрету ***», «Кавказ», «Мадонна», «Поэт», «Сонет»; отрывки из поэм «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Руслан и Людмила» и из «Бориса Годунова». В январе 1837 г. (т. е. еще при жизни поэта) при переиздании хрестоматии, сразу ставшей основным и самым популярным школьным пособием, Пенинский добавил к этому списку отрывки из «Полтавы», «Медного всадника» и «Сказку о рыбаке и рыбке».

История посмертной судьбы Пушкина в школьном curriculum началась в 1838 г. Важно отметить, что в промежутке между книгами Пенинского и Галахова вышло три хрестоматии с пушкинскими текстами. Все они были предназначены для имперской периферии — две хрестоматии Ивана Павловского 1838 и 1842 гг. для остзейских немецких школ (Дерпт и Митава), а третья, В. Рклицко, — для царства Польского (Варшава, 1838—1839). Если Рклицкий в Варшаве добавил к репертуару Золотова и Пенинского «Коня», «Бонапарта и черногорцев» и «Обвал», то лектор русского языка в Дерптском университете И. Павловский³ в 1838 г. впервые включил в хрестоматию начало поэмы «Цыганы», а в издании 1842 г. — отрывок из третьей песни «Полтавы». В 1840 г. В. Эртель в «Цветнике русской литературы» (СПб.) опубликовал стихотворение «Чистый лоснится пол...» из «Подражаний древним», которое более не включалось в школьные книги для чтения.

Верно, однако, что хрестоматия Галахова, появившаяся после выхода собрания сочинений Пушкина 1841 г. и декларировавшая ориентацию на современную литературу [Галахов 1843: V—VI], затмила все предшествующие пособия по количеству и качеству репрезентации пушкинского творчества. Сопровождаемая упреками рецензентов в том, что книга нанесет непоправимый ущерб едва установившемуся литературному канону, хрестоматия Галахова, в самом деле, его радикально перекраивала, а в отношении Пушкина сигнализировала о начале первой посмертной волны его канонизации в начале 1840-х гг. Всего в первом издании 1843 г. оказалось 54 текста (или фрагмента), из которых около 30 были включены впервые, и почти все они с тех пор не выходили из школьного употребления вплоть до 1917 г. Приведем список текстов полностью: «Ех ungue leonem», «Анониму», «Бесы», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Была пора, наш праздник молодой...», «В час забав иль праздной скуки...», «Вновь я посетил...», «Памятник», «Перед гробницею святой...», «Последние цветы», «Друзьям», «Пророк», «Расчет», «Редет облаков летучая гряда...», «Труд», «Туча», «Уединение», «Художнику», «Чем чаще празднует лицей...», «Эхо», «Я пережил свои желанья», «Сказка о мертвой царевне...», «Евгений Онегин», «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка», «Путешествие в Арзрум»⁴. Помимо постоянных переизданий хрестоматии Галахова, пополнявшихся новыми текстами, в период с 1843 по 1855 г. пушкинский корпус увеличился на 14 текстов за счет других автор-

ских пособий. Большую роль в этом сыграла «Книга для чтения и упражнений в языке, составленная для уездных училищ и нижних классов гимназий» (СПб., 1846) Пенинского, в которой впервые в педагогике появились пушкинские «Делибаш», «Для берегов отчизны дальней...» и «К морю».

На этом фоне самой оригинальной из хрестоматий конца 1840-х гг. стала «Русская хрестоматия» проф. С. И. Барановского (Гельсингфорс, 1848), впервые познакомившая школьников с пушкинскими «Женихом», «Отцами пустынножителями», «Пиром Петра Великого», «Птичкой» (позже станет весьма частотной), «Утопленником», сценой дуэли из «Евгения Онегина» и др. Любопытно, что стихотворение «Герой» (1830) единожды в хрестоматиях XIX в. встречается лишь у Барановского.

Таким образом, к 1855—1856 гг., рубежным как в смысле изучения Пушкина, так и в социально-политическом, ядро пушкинского «школьного» канона было в целом сформировано⁵. Этому способствовали и министерские программы, в которые Пушкин попал в 1852 г. В «Программу русского языка и словесности», составленную Ф. Буслаевым и А. Галаховым и ставшую основой для всех последующих министерских нормативов, вошли пушкинская лирика, отрывки из «Евгения Онегина», «Бориса Годунова», поэм и повестей. Оба педагога при этом опирались на свои хрестоматии 1840-х гг., поэтому можно утверждать, что авторский опыт и выбор предшествовали министерской кодификации, а не наоборот⁶. В целом, говоря о соотношении программ и хрестоматий, следует подчеркнуть, что содержание любой хрестоматии всегда было богаче, чем официальные министерские списки.

Цензурные послабления и бурное развитие педагогики в царствование Александра II повлекли за собой неслыханную либерализацию школьных программ и появление множества авторских пособий, выходящих за их пределы. Так, с 1856 по 1881 г. пушкинский корпус пополнился здесь 53 новыми текстами. Самые частотные из них (восемь и более вхождений): «Осень» (1859), «Зимний вечер» (1860), «Муза» (1860), «Отрок» (1860), «Зимняя дорога» (1861), «Безумных лет угасшее веселье...» (1863), «Поэту» (1863), «Поэт и толпа» (1866), «Вурдалак» (1880), «Пир во время чумы» (1861), «История села Горюхина» (1861), «Table-talk» [о Румянцеве] (1861).

По 1—5 вхождений имеют следующие тексты (по годам):

- 1860: «Буря», «Воевода», «Война», «Заклинание», «Гусар», «Дон», «Дорожные жалобы», «Румяный критик мой...», «Русалка», «Сто лет минуло, как тевтон...», «Телега жизни», «Уэник», «Послание Дельвигу», «Наполеон».
- 1861: «Движенье», «К Наташе», «Сказка о попе и его работнике».
- 1863: «Ангел», «Дар напрасный...», «К вельможе», «Монастырь на Казбеке», «Что же сухо в чаше дно...».
- 1864: «Вишня», «Зимнее утро», «Два ворона», «Еще дуют холодные ветры...», «Золото и булат», «Гробовщик».
- 1865: Письмо о смерти Дельвига, «Из записок бригадира Моро де Бразе».
- 1866: «19 октября», «Воспоминание», «Приметы», «Поэт и толпа».

- 1869: «Анчар», «Полководец».
 1872: «Три ключа».
 1874: «Демон», «Казак».
 1880: «Городок», «Ночь».
 1885: «Ода Анакреона».

Специфика этого периода состоит в том, что многие стихотворения, включенные в хрестоматии в 1860-е гг. на волне послаблений, могли более не перепечатываться в учебных книгах (ср. «Воевода», «Война», «Гусар», «Русалка») или быстро исчезнуть из них в 1870—1880-е («Буря» — до 1876 г., «Телега жизни» до 1879 г.). Кратковременность бытования таких текстов была связана с их спецификой. Так, анонимная хрестоматия «Русская лира. Хрестоматия, составленная из произведений новейших русских поэтов» (1860) была явно ориентирована на престолярную аудиторию, почему и включала такие балладные стихи Пушкина, как «Воевода», «Гусар», «Русалка». Легко предположить, что в последующих хрестоматиях они не прижились из-за эротических сюжетов. Не менее занимательно проникновение в школьный круг чтения дубиального и откровенно фривольного стихотворения «Вишня», зачин которого появился в 1864 г. в «Родном слове» Ушинского.

Нельзя не упомянуть также и о хрестоматии преподавателей остзейских гимназий С. Шафранова и И. Николыча, которые в 1860 г. попытались существенно расширить корпус пушкинских текстов. Они включили в свою «Русскую хрестоматию» (Ревель, 1860—1865) 15 произведений, из которых четыре с тех пор более никогда не попадали в школы («Война», «Дорожные жалобы», «Заклинание», «Из записок бригадира Моро де Бразе»), а 11 дошли до школьников впервые («Буря», «Дон», «Муза», «Наполеон», письмо о смерти Дельвига, «Отрок», «Послание Дельвигу», «Румяный критик мой...», «Сто лет минуло, как тевтон...», «Узник» и «Телега жизни»). Особенно показательны здесь «Узник», совсем не популярный в дореволюционной школе, и, конечно, «Телега жизни», печатавшаяся с многоточием вместо легко опознаваемого обценного выражения.

Начиная с 1870-х гг. свобода составителей стала более регламентированной, поскольку с 1872 г. школьная программа для учреждений разного уровня и типа (гимназии, реальные училища и т. д.) была унифицирована, опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения» (1872, № 7) и отныне распространялась на все учебные заведения империи.

С наступлением царствования Александра III в период с 1882 по 1905 г. пушкинский корпус пополнился всего 17 текстами: «На перевод Илиады» (1885), «К Жуковскому» (1888), «Элегия» (1888), «Песня о Григории Черном» (1891), «Няне» (1894), «Зимняя картина» (1903), «Терек» (1903), «Если жизнь тебя обманет...» (1908), «Я помню чудное мгновение...» (1908), «Цветок» (1908), «Кто видел край, где роскошью природы...» (1909), «Сон» (1909), «Газит» (1894), «Золотой петушок» (1882), «Сказка о Медведихе» (1894), «Выстрел» (1883), «Моцарт и Сальери» (1899).

Закрепился в учебных пособиях лишь отрывок «Няне» (семь вхождений, 1894–1909). Опубликованный в 1855 г., он лишь в конце века входит в школьный оборот. Причиной могла стать поздняя мифологизация пушкинской няни — не ранее пушкинских праздников 1880 и 1887 гг. Другой интересный факт связан с единичным вхождением вполне канонического ныне «Я помню чудное мгновенье...». До революции лишь один раз, в 1908 г., оно попадало в хрестоматию.

Таким образом, в 1856–1881 гг. пушкинский канон пополнился максимальным количеством новых текстов (53), однако его ядро было сформировано в 1843–1855 гг. (47 текстов).

3. Репертуар: ядро канона (жанры, периоды творчества, частотность)

Что касается репертуара, то всего в пушкинский школьный канон, по имеющимся у нас данным, входит 139 оригинальных текстов, из них 108 стихотворений, роман «Евгений Онегин», представленный исключительно во фрагментах; семь поэм («Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы», «Полтава», «Медный всадник», «Тазит») и шесть сказок («Сказка о рыбаке и рыбке», «О царе Салтане», «О попе...», «Сказка о Медведихе», «Сказка о мертвой царевне», «Сказка о золотом петушке»); четыре драматических текста («Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Пир во время чумы», «Моцарт и Сальери») и отрывки из 13 прозаических текстов («Путешествие в Арзрум», «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка», «История Пугачева», «История села Горюхина», «Гробовщик», «Выстрел», «Джон Теннер», «О Дельвиге», «Table Talk», «Записки бригадира Моро де Бразе», письмо о смерти Дельвига).

В процентном соотношении жанры распределяются следующим образом: более 50% приходится на стихотворения (если приплюсовать к ним фрагменты «Евгения Онегина», то получится более 60%), 23% составляют поэмы и сказки, около 9% — проза, чуть более 3% — драматические тексты.

Таким образом, в сознании школьников XIX в. Пушкин был скорее поэтом, чем прозаиком или драматургом. Качественный же состав прозы существенно отличен от школьного канона XX в.: это Пушкин без «Повестей Белкина» («Гробовщик» и «Выстрел» имеют единичные вхождения), Пушкин исторической прозы и травелога («Капитанской дочки» и «Путешествия в Арзрум»; 47 и 28 вхождений соответственно). Из драматических текстов преобладают «Борис Годунов» (44) и «Скупой рыцарь» (18). Последнее обстоятельство, думается, обусловлено в первую очередь воспитательными целями составителей пособий.

С ядром поэтического канона ситуация еще интереснее. Десятка самых частотных стихотворений выглядит так (через тире — число вхождений, в скобках — дата первого из них):

1. «Песнь о вещем Олеге» — 49 (1829).
2. «Бесы» — 36 (1843).
3. «Утопленник» — 29 (1848).
4. «Пророк» — 29 (1843).
5. «Туча» — 27 (1843).
6. «Кавказ» — 27 (1834).
7. «Вновь я посетил...» — 27 (1843).
8. «Клеветникам России» — 24 (1834).
9. «Поэт» — 24 (1834).
10. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...» — 24 (1843).

Однако если мы будем рассматривать отрывки из «Евгения Онегина», поэм и сказок как самостоятельные фрагменты, циркулировавшие как стихотворения, то картина изменится. Перечислим наиболее частотные фрагменты:

1. «Сказка о рыбаке и рыбке» — 32.
2. «Цыгане шумною толпой...» («Цыганы») — 29.
3. «Гонимы вешними лучами...» («Онегин») — 28.
4. «Птичка Божия...» («Цыганы») — 25.

Обращает на себя внимание, конечно же, полное отсутствие в школьном каноне XIX в. свободолобивой и любовной лирики, внесенной туда в советское время из неподцензурных устной и рукописной сфер. В официальном же школьном каноне XIX столетия доминируют балладные тексты («Песнь о вещем Олеге», «Бесы», «Утопленник») и пейзажные зарисовки, которые в большей степени отражали прагматику школьных хрестоматий.

4. Фрагментация: случай «Евгения Онегина»

Отдельный значимый сюжет, который пока мы можем рассмотреть лишь приблизительно, — репертуар отрывков из крупных пушкинских текстов, представленных в хрестоматиях. Функция этих отрывков двояка: с одной стороны, метонимически они представляют целое (роман, поэму, повесть) — как правило, хрестоматии указывают источники отрывка; с другой стороны, такие указания вовсе не обязательны, а отрывки, обособленные от целого, воспринимаются как самостоятельные фрагменты.

Несомненно, это связано как с педагогически-эдиционной практикой (затруднительностью включения в обязательное чтение / хрестоматию целых обширных текстов), так и с внутрилитературными процессами (становление внежанровой «фрагментарной» лирики⁷). Уже в XIX в. складывается дошедший до современных пособий канон — устойчивый репертуар фрагментов, которые переходят из хрестоматии в хрестоматию.

Рассмотрим в первом приближении лишь один из таких «фрагментарных школьных канонов» XIX в. — корпус отрывков из «Евгения Онегина».

Отметим, во-первых, достаточно обычное бытование фрагментов без прямой ссылки на роман в хрестоматии. Во-вторых, укажем, что эти фраг-

менты часто подвергаются в хрестоматиях внутреннему купированию⁸, что происходит, например, в книге Галахова, впервые в России включившего отрывки пушкинского романа в хрестоматию. Помещенные в раздел «дидактическая поэзия», фрагменты демонстрируют, как многоголосие пушкинского романа в стихах вступает в противоречие с дидактико-педагогическими целями ее составителей («воспитание чувства любви к родной природе, наблюдательности») и как текст Пушкина приносится в жертву дидактике.

Остановимся на репертуаре фрагментов из «Евгения Онегина», задавшись вопросом о том, как выглядела *энциклопедия русской жизни* для детей позапрошлого века, каков был ее словник и из каких разделов она состояла. Пушкинский роман принципиально многосоставен: собственно нарративная его составляющая, включающая описание событий, происходящих с героями, их монологи/интроспекции и диалоги, развертывается на фоне разных локусов, сопровождается «жанровыми» фрагментами, живописующими быт, включает дескриптивные фрагменты разного рода и оркестрована разнообразными отступлениями (лирическими, нравоописательными, метапоэтическими).

Зададимся вопросом: насколько эта многосоставность отражена в хрестоматийных фрагментах?

Всего роман в стихах представлен, по нашим данным, в хрестоматиях фрагментами 170 раз (не учтены единичные случаи публикации почти целых его глав).

Большинство случаев составляют *пейзажно-календарные фрагменты с вкраплениями «деревенского» жанра (около 50%)*. Здесь представлены в основном четыре отрывка из романа (мы перечисляем их в порядке убывания частоты, не рассматривая сейчас подробно важного вопроса о границах фрагмента в конкретных хрестоматиях): «Гонимы вешними лучами...» (7, I); «В тот год осенняя погода...» (вместе с «Зима, крестьянин, торжествуя...» и «Вот бегают дворовый мальчик...» или по отдельности — 5, I—II); «Уж небо осенью дышало...» (вместе с «Встает заря во мгле холодной...» или по отдельности — 4, XL—XLI); «Но лето быстрое летит...» (вместе с «Вот север, тучи нагоняя...» — 7, XXIX—XXX, или по отдельности). Эти пейзажные фрагменты представлены, как правило, в хрестоматиях, предназначенных для младших школ.

Можно выделить также обширные группы фрагментов, представляющих собственно сюжетнику романа в стихах. Это, с одной стороны, статические *характеристики героев* (описание деревни Онегина и его быта (2, I—V), характеристики Онегина и Татьяны, описание воспитания Онегина, его кабинета, характеристика Ленского, Ленский и Онегин и, с другой стороны, *сюжетные сцены, диалоги* (дуэль, бал, Татьяна и няня, последнее свидание героев, именины); к ним примыкают *субтексты* (письма, сон Татьяны).

К этой группе тяготеет и более или менее тесно связанная с главными героями романа и сюжетными коллизиями «*урбанистика*» (описание приезда Лариных в Москву, московские строфы, утро в Петербурге).

Особняком стоят составляющие вместе менее 10% «*этнографическая*» группа фрагментов (святочные гадания, песня девушек) и *афористика*; представлены всего два фрагмента: названный составителем «Скоротеч-

ность жизни» («Увы! на жизненных браздах...» — 2, XXXVIII) и метапоэтически-«этнографический» отрывок из «Путешествия Онегина» под названием «Отчизна» («Какие б чувства ни таились...»).

Состав и ядро этого корпуса фрагментов определились довольно рано: уже в николаевское время наметились два полюса и их тяготение к хрестоматиям для разных возрастных аудиторий. Хрестоматия Галахова (1843), впервые вводящая роман в круг школьного чтения, дает такой набор фрагментов:

Этнография: 1. Гаданье на святках.

Жанр: 2. Деревня Онегина.

Урбанистика: 3. Москва («Но вот уж близко... и стаи галок на крестах»).

Пейзажи: 4. «Гонимы вешними лучами...» (Появление весны); 5. «Но лето быстрое летит...» (Появление зимы); 6. «Уж небо осенью дышало...» (Осень и зима).

Субтексты: 7. Сон Татьяны.

Отступления: 8. «Увы! На жизненных браздах...» («Скоротечность жизни»).

Галахов задает две линии репрезентации романа в хрестоматиях:

1) фрагментарное представление разных пластов пушкинского текста (на первый план, однако, здесь уже выдвигаются календарно-пейзажные фрагменты, в ткани романа занимающие достаточно скромное место);

2) попытки построить подборку фрагментов целиком по принципам сюжетной вершинной композиции, поставив в центр героев и расположив эпизоды в последовательности, подсказанной романом.

Характерно, что фрагменты из «Онегина» располагаются в разных разделах галаховской хрестоматии: фрагменты 2, 6, 1, 7 и 3 входят в раздел «Эпическая поэзия» (подраздел «Романтическая поэма») и образуют последовательность, соответствующую развитию фабулы романа; остальные фрагменты включены в раздел «Лирическая поэзия» (фрагмент 8 — в подраздел «Элегии», остальные — в подраздел «Описательная поэзия»).

Второй способ построения подборки фрагментов из романа выдвигается на первый план лишь в двух поздних хрестоматиях, Сосницкого (1885) и Баталина (1888)⁹. Однако такое решение остается скорее эпизодом на общем фоне.

Согласно министерской программе 1890 г. большие произведения, читаемые учителем в классе в отрывках, дома ученикам следовало прочесть полностью [Программа: 36]. Однако если школьник был нерадив и предпочитал читать роман по хрестоматии, то, надо думать, «энциклопедия русской жизни» (афористическое определение Белинского появилось в 1845 г.) редуцировалась в его сознании до пейзажных зарисовок и статичных характеристик героев, а прихотливый романский сюжет нивелировался до простой зеркальной симметрии любовных отказов и яркой сцены дуэли.

5. Заучивание наизусть

Говоря о каноничности стихов Пушкина, нельзя не упомянуть о школьной мнемонике в ее соотношении с другими каналами заучивания наизусть.

У нас пока слишком мало мемуарных данных о том, насколько много и качественно¹⁰ пушкинские тексты выучивались в школе. Однако мы располагаем нормативными программами с 1852 по 1908 г., в которых определялся круг текстов, подлежащих обязательному заучиванию. Вот как он выглядел: «Пророк», «Поэту», «Поэт и чернь», «Эхо», «Брожу ли я вдоль улиц шумных...», «Вновь я посетил...», «Безумных лет угасшее веселье...», отрывки из «Руслана и Людмилы» (Пролог и бой Руслана с головой), отрывки из «Кавказского пленника» (нравы черкесов и «Черкесская песня»), «Птичка», «Песнь о вещем Олеге», отрывки из «Цыган» (начало, «Птичка Божия...», рассказ старика об Овидии), отрывки из «Бориса Годунова» (монологи Пимена и Бориса), «Ангел», «Кавказ», отрывки из «Полтавы» (полтавский бой), «Бесы», «Клеветникам России», отрывки из «Евгения Онегина» (воспитание Онегина, характер Татьяны, песня девушки, гадание и сон Татьяны, «Уж небо осенью дышало...», «В тот год осенняя погода...»), вступление к «Медному всаднику», «Сказка о рыбаке и рыбке», «Туча», «Пир Петра Первого», «Памятник».

Как видно, список включает указанные выше наиболее частотные пушкинские тексты.

6. Пушкин и другие: контрастивный фон

Чтобы понять, насколько каноничным Пушкин выглядит на фоне других поэтов XVIII–XIX вв., представленных в хрестоматиях, необходимо сравнить частоту вхождения его текстов с другими популярными в XIX в. авторами. Из таблицы 1 следует, что с 1838 г. пушкинские тексты составляют абсолютное большинство в школьных хрестоматиях. Если поначалу с ним еще может конкурировать Жуковский (1838–1859), то с 1860-х гг., т. е. со времени широкого распространения школ, на второе место после Пушкина выходит Крылов. На рубеже XIX–XX вв., однако, соотношение авторов, занимающих вторую и третью позиции, меняется, и Крылов, Лермонтов и Жуковский количественно оказываются очень близки друг к другу.

Табл. 1. Количественная репрезентация по периодам
(в скобках — количество вхождений)

1800–1837	1838–1859	1860–1881	1882–1912
Дмитриев (85)	Пушкин (269)	Пушкин (629)	Пушкин (649)
Крылов (78)	Жуковский (250)	Крылов (591)	Крылов (269)
Жуковский (63)	Крылов (186)	Жуковский (305)	Лермонтов (258)
Державин (57)			Жуковский (243)
Пушкин (28)	Дмитриев (137)	Лермонтов (247)	Майков (118)

В заключение наших подсчетов укажем, что доля пушкинских текстов во всех рассмотренных хрестоматиях составляет около 15% (на втором месте Крылов с 12%). Этот показатель может колебаться лишь на 0,5–1,5% для хрестоматий, изданных в столицах (Москва, Петербург) или в остзейских провинциях, что указывает на устойчивость позиции Пушкина в школьном каноне, вне зависимости от региона Российской империи.

7. Выводы

1. Подсчеты индексации текстов в русских хрестоматиях XIX в. — один из методов, который позволяет хотя бы приблизительно оценить степень воспроизводимости, а значит, и каноничности текста в массовой культурной памяти (vs. цитация в «высокой» литературе).

2. Расчеты по Пушкину существенно меняют наши представления о хронологии вхождения его текстов в массовый школьный обиход, об их частотности и качественном составе. Теперь мы располагаем корпусом текстов *официального* школьного канона XIX в., отличающегося как от канона XX и XXI вв., так и от неинституализированной, кружковой/устной/неподцензурной циркуляции.

3. С начала 1840-х гг. Пушкин уверенно и решительно занимает первые позиции по частотности в школьных хрестоматиях, навсегда сохранив в них первенство. Лишь в 1860–1870-е гг. Крылов соперничает с ним, ввиду широкого распространения книг для народного чтения, где басни составляли большой процент текстов.

4. Дальнейшее изучение темы, предполагающее, в частности, обращение к советскому школьному канону, не может ограничиться лишь составлением подобной базы данных, но должно ответить на вопросы, в какой момент и как произошел сдвиг в корпусе пушкинских текстов, который привел к складыванию современных коллективных представлений о главном русском поэте.

Примечания

¹ Объем статьи не позволяет привести все сведения о них полностью. Укажем лишь, что в базу вошли русские хрестоматии и некоторые «книги для чтения», начиная с книг И. Гайма (1805), Н. Греча (1812), В. Золотова (1829), В. Эртеля (1833) и до хрестоматий Л. Вейнберга (1905) и М. Бубликова (1907). Собрания образцовых стихотворений, антологии начала XIX в., песенники, сборники для чтецов-декламаторов — т. е. все, что располагается вне школьной системы с ее особым типом селекции материала, не вошло в базу данных. Библиографию русских книг для чтения XVIII–XX вв. см. в: [Сенькина: 250–254].

² Хрестоматии Галахова и Козьмина выдержали 35 и 30 изданий соответственно.

³ О Павловском и судьбе его книги см.: [Исаков: I; 91–93].

⁴ С. П. Шевырев советовал Галахову включить «Птичку», «Розу» и «Золото и булат» Пушкина и «Ласточку» Державина [Шевырев: № 5, 224–225]. Недоумение Шевырева

- вызвал также сам выбор современных поэтов и их текстов. Так, он удивлялся, как можно было не включить «Спор» Лермонтова; ужасался выбору поэмы Сокольского «Мироздание»; предлагал удалить Кольцова в пользу Языкова и Хомякова и исключить слабые стихотворения Красова, Майкова, Огарева, повести Панаева [Там же: № 6. 508—514]. Нетрудно заметить, что эти рекомендации в значительной степени предсказали развитие школьного канона.
- 5 К 1855 г. в школьном обиходе были также: «Сказка о царе Салтане», «Джон Теннер», «Скупой рыцарь» (все с 1849 г.); «История Пугачева», «Стансы» и «О Дельвиге» (с 1852 г.).
 - 6 В 1858—1859 гг. Буслаев принимал участие в составлении программы чтения для наследника Николая Александровича, который должен был прочесть «Бориса Годунова», «Полтаву», «Медного всадника», «Скупого рыцаря», отрывки из «Евгения Онегина», «Кавказского пленника», «Путешествия в Арзрум», отрывки из «Записок», «Гробовщика», «Капитанскую дочку» и «Дубровского» [Буслаев: 331—333]. Все эти тексты либо уже входили в хрестоматии, либо вошли позже («Гробовщик»).
 - 7 Можно поставить вопрос об участии этих отрывков в формирующейся поэтике лирической фрагментарности.
 - 8 О фрагментации целостной картины — и русской литературы вообще, и больших текстов в частности, как о главном недостатке хрестоматии Галахова писал уже Шевырев [Шевырев: № 5. 222].
 - 9 В последней хрестоматии представлены следующие фрагменты: *Воспитание Онегина; Времяпрепровождение Онегина; Характеристика Онегина; Онегин в деревне; Вл. Ленский; Татьяна; Письмо Татьяны к Онегину; Объяснение Онегина с Татьяной; Последнее свидание Онегина с Татьяной.*
 - 10 В рецензии на хрестоматию Галахова Шевырев предлагал равномерное распределение всех образцов по семи классам/годам гимназии и заучивание их наизусть [Шевырев: 224]. О широко распространенной практике заучивания стихотворений Пушкина (особенно вольнолюбивых) наизусть уже при его жизни см. в книге М. Гронаса: [Gronas: 83—88].

Литература

- Буслаев — *Буслаев Ф. И.* Мои воспоминания. М., 1897.
- Галахов 1999 — *Галахов А. Д.* Записки человека. М., 1999.
- Галахов 1843 — *Галахов А. Д.* Полная русская хрестоматия. СПб., 1843. Ч. 1—2.
- Исаков — *Исаков С. Г.* Русский язык и литература в учебных заведениях Эстонии XVIII—XIX столетий. Тарту, 1973—1974. Вып. 1—2.
- Межов — *Ruschkiäpaa: Библиографический указатель статей о жизни А. С. Пушкина, его сочинений и вызванных ими произведений литературы и искусства / Сост. В. И. Межов.* СПб., 1886.
- Программа — Учебные планы и примерные программы предметов, преподаваемых в мужских гимназиях и прогимназиях. СПб., 1890.
- Сенькина — *Сенькина А. А.* «Книга для чтения» как вид учебного пособия для начального обучения: вопросы типологии и истории издания (конец XVIII — первая половина XIX в.) / Дисс. ... к.ф.н. СПб., 2010.
- Синявский, Цявловский — Пушкин в печати. 1814—1837: Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни / Сост. Н. Синявский и М. Цявловский. Изд. 2-е, испр. М., 1938.
- Скафтымов — *Скафтымов А. П.* Преподавание литературы в дореволюционной школе (сороковые и шестидесятые годы) // Уч. зап. Саратовского гос. пед. ин-та. Саратов, 1938. Вып. 3. С. 118-232

- Смирнов-Сокольский — *Смирнов-Сокольский Н. П.* Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962.
- Чертов — *Чертов В. Ф.* Русская словесность в дореволюционной школе. М., 1994.
- Шевырев — *Шевырев С. П.* Полная русская хрестоматия... Составил А. Галахов // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 5. С. 218–248; № 6. С. 501–533.
- Gronas — *Gronas M.* Cognitive Poetics and Cultural Memory: Russian Literary Mnemonics. New York, London: Routledge, 2011. (Routledge research in cultural and media studies; Vol. 28).

ЛОТМАНОВСКИЙ СБОРНИК

4

О·Г·И
Москва 2014